

**«Если я забуду тебя,
Иерусалим...»**

«Один раз увидеть – больше, чем сто раз услышать. Я знал, что израильтяне преобразили свою землю. Но я увидел зеленые холмы, между которыми вилось шоссе от аэропорта Бен Гурион в Иерусалим. То и другое было сделано людьми: и шоссе, и зелень. Шоссе не прорезало леса, не открыло дорогу вырубкам и пожарам – леса росли вместе с автострадой. Цивилизация не разрушала природу, а восстанавливала ее. В Норвегии цивилизация, развиваясь, оберегала природу; это прекрасно, но в Израиле человек творил заново заросли, украшавшие холмы. Бунин, в 1912 году, этой зелени еще не видел. Сегодняшний пейзаж показался бы ему сном.»

Григорий Померанц «Полет в Иерусалим»

ИЕРУСАЛИМ

Это было весной. За восточной стеной
Был горячий и радостный зной.
Зеленела трава. На припеке во рву
Мак кропил огоньками траву.
И сказал проводник: “Господин! Я еврей
И, быть может, потомок царей.
Погляди на цветы по сионским стенам:
Это все, что осталось нам”.
Я спросил: “На цветы?” И услышал в ответ:
“Господин! Это праотцев след,
Кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,
Красным маком восходит она”.

В полдень был я на кровле. Кругом, подо мной,
Тоже кровлей, – единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песок, – возлежал
Древний город и зноем дышал.
Одинокaя пальма вставала над ним
На холме опахалом своим,
И мелькали, сверлили стрижи тишину
И далеко я видел страну.

Морем серых холмов расстилалась она
В дымке сизого мглистого сна,
И я видел гористый Моав, а внизу –
Ленту Мертвой воды, бирюзу.
“От Галгала до Газы, – сказал проводник, –
Край отцов ныне беден и дик.
Иудея в гробах. Бог раскинул по ней
Семя пепельно-серых камней.
Враг разрушил Сион. Город тлел и сгорал –
И пророк Иеремия собрал
Теплый прах, прах золы, в погасавшем огне
И рассеял его по стране:
Да родит край отцов только камень и мак!
Да исчахнет в нем всяческий злак!
Да пребудет он гол, иссушен, нелюдим –
До прихода реченного им!”

Иван Бунин
1907

«Земля, доставшаяся Израилю, украшалась и украшается людьми, две тысячи лет не знавшими чувства своей земли и только молившимися: на следующий год – в Иерусалиме. Сейчас она – как икона в драгоценном окладе.

Красота земли нарастает по мере того, как дорога идет вверх, и достигает волшебства в Иерусалиме.

Новые жилые кварталы из местного кремового камня лепятся по склонам холмов, не нарушая их суровой гармонии. Они не ощериваются высотными зданиями вокруг стен старого города, возведенных Сулейманом Великолепным, а оставляют куполам и колокольням их место в небе.

И над этим сгустком истории и современности – никому не подвластное небо...
Немудрено, что здесь складывалась религия единого Бога, не видного очам и не постижимого умом.»

Григорий Померанц «Полет в Иерусалим»

«...я просто увидел весь этот клубок древних религий, вцепившихся друг в друга. Золотой купол мечети Омара возносился в небо прямо над стеной плача. Этот образ врезался в мое сознание как символ, как падение башен в Нью-Йорке. Только башни поразили тем, что падали, а мечети, церкви и Стена плача – тем, что застыли в ненависти к ближнему, как Уголино в Дантовом аду.»

Григорий Померанц «Полет в Иерусалим»

«Я почувствовал ударом сердца трагизм этого прекрасного города, повисшего над пропастью взаимной ненависти. Города множества святынь, не способных разжать стиснутые на ненавистном горле пальцы. Я почувствовал на раннем рассвете, глядя в огромное иерусалимское небо: выход здесь – только через чудо, через примирение трех сестер-ненавистниц, трех наследниц Авраама, трех религий, возненавидевших друг друга в борьбе за владение вечной истиной.»

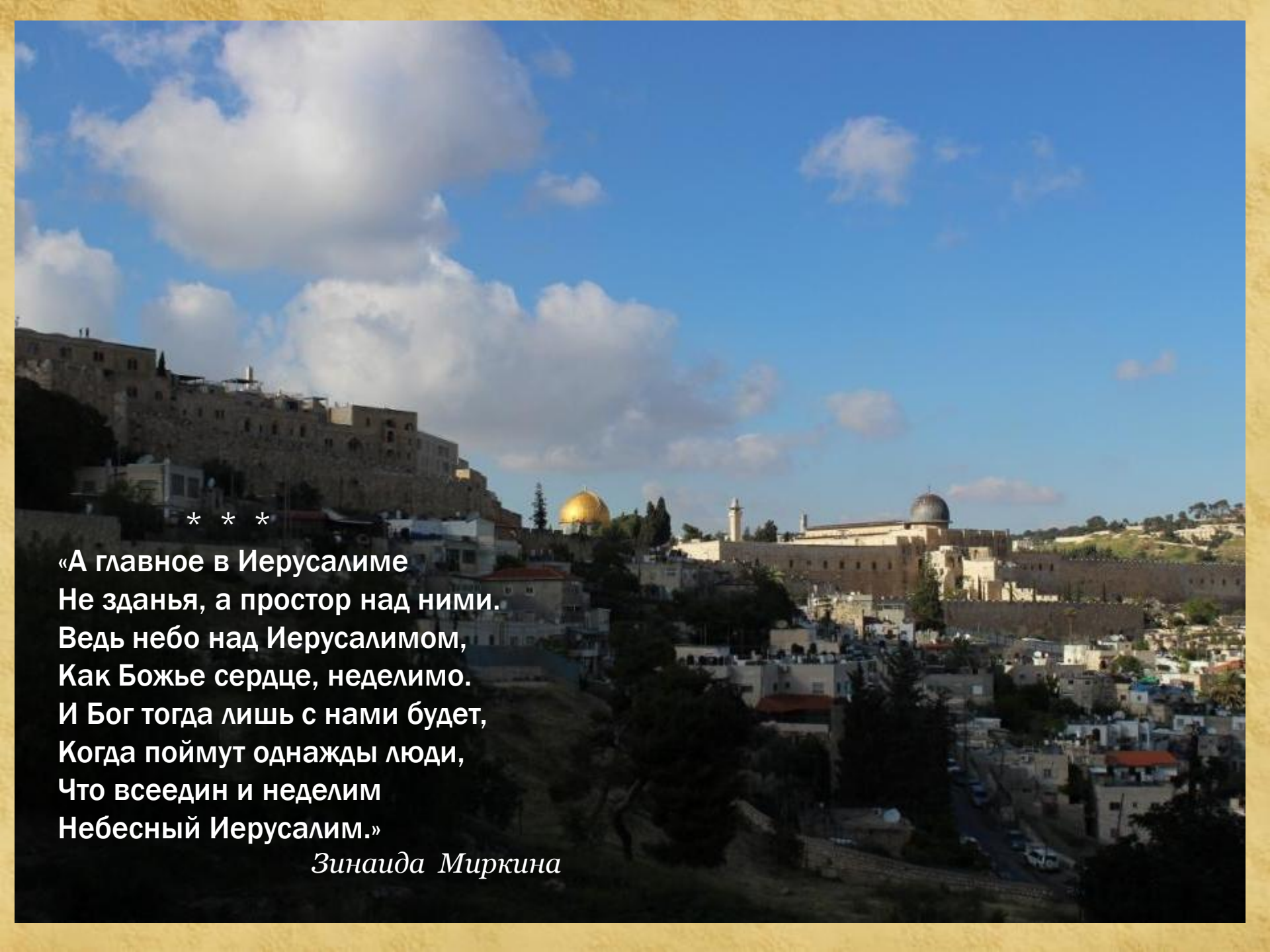

«Без согласия каждой из религий на второе место не может быть распутан иерусалимский клубок, наполняющий эфир аурой своих конвульсий. Религии стали дубинками, которыми политики бьют друг друга по голове.

Ближневосточный детонатор взрывает во всем мире бомбы глобального террора. И нет спасения, если в каждом исповедании религия любви не победит религию ненависти.»

Григорий Померанц «Полет в Иерусалим»

* * *

«А главное в Иерусалиме
Не зданья, а простор над ними.
Ведь небо над Иерусалимом,
Как Божье сердце, неделимо.
И Бог тогда лишь с нами будет,
Когда поймут однажды люди,
Что всеедин и неделим
Небесный Иерусалим.»

Зинаида Миркина

* * *

«Я поняла, как создаются звезды -
Когда земная жизнь сойдет на нет.
В бессветной бездне затрепещет воздух
И задрожит и замерцает свет.

Одна душа пересекла границу.
Одна свеча у Бога зажжена.
Но вдруг в зрачках бесчисленных
отразится
И станет бесконечностью одна.»

Зинаида Миркина

Вход в школу Каббалистов

Иерусалим пропитан мистикой самых различных сортов: христианской, каббалистической, мусульманской, масонской.

**«...Если только можно, Авва, Отче,
Чашу эту мимо пронеси.»**

Перед алтарём католической Церкви всех наций находится камень, на котором, по преданию, молился Христос в ночь своего ареста.

В Гефсиманском саду растут восемь очень древних олив. Исследование, проведенное Национальным Исследовательским Советом Италии в 2012 г., показало, что некоторые из них относятся к числу древнейших, известных науке.

Старейшие части стволов трёх деревьев были датированы 1092, 1166 и 1198 годами н. э.

“Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!” (Лк. 13:34)

Церковь Плача Господня (“Доминус флевит”) построена на том месте, где, по преданию, стоял Иисус и оплакивал Иерусалим, предвидя его печальную судьбу.

* * *

«К Петру Иисус воскресший подступил,
И Петр затрепетал, как лист под вихрем.
И вдруг упал, лишась последних сил,
И все вокруг, как мертвое, затихло.

Звезда скатилась медленно во тьму,
И след дрожащий был едва заметен.
Воскресший был не видим никому,
Но Петр знал, что значит этот ВЕТЕР.

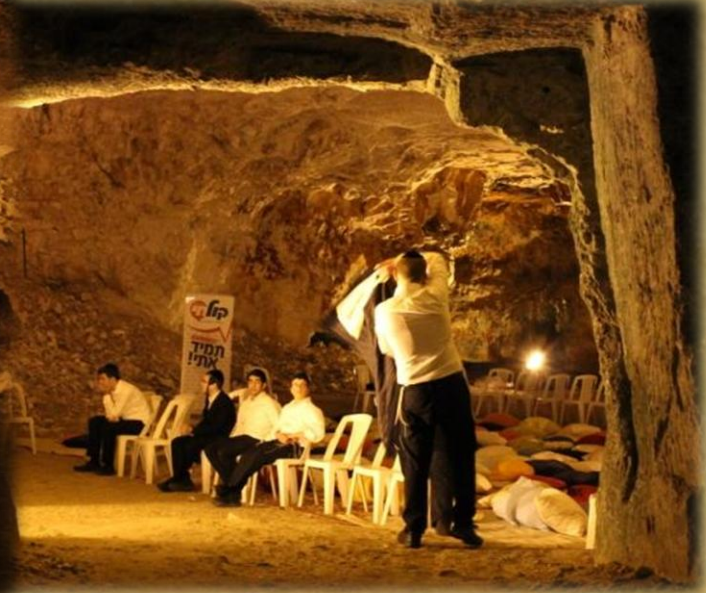
Иисус воскресший подступил к Петру,
Сказав: Ты мог от смертного отречься
И отойти, рыдая, поутру,
Но что теперь ты скажешь перед вечным?

Ведь ты сейчас, как я, совсем один
И между нами больше нет границы.
И Петр сказал: Я – Твой, мой Господин.
От самого себя нельзя укрыться.»

Каменоломни царя Соломона под старым городом. Здесь брали камень для строительства Первого храма.

А это уже их современное использование. Огромное помещение с хорошей акустикой, прохладное в любую жару, местные жители превратили в концертный зал.

«Иерусалим — единственный в мире город, имя которого есть в перечне острых психических расстройств: иерусалимский синдром. Среди паломников, стекающихся сюда из самых отдалённых уголков планеты, он встречается настолько часто, что уже описан психиатрами как уникальное (короткое, по счастью) душевное заболевание.

Это здесь время от времени можно увидеть очередного мечущего властительные взоры молодого мужчину — как правило, он одет в белую хламиду и порой даже едет посередь автомобилей на белой ослице.»

Игорь Губерман

Иерусалимский синдром развивается у тех туристов и паломников, чья хрупкая психика не выдерживает восторга и потрясения от встречи с Вечным Городом. Человек, проникнувшись святостью здешних мест, впадает в состояние сильной экзальтации. А иногда объявляет себя пророком, посланным на Землю с определенной миссией...

В Иерусалимской психиатрической больнице «Кфар-Шауль» существует даже специальное отделение, куда регулярно доставляют пациентов с иерусалимским синдромом — жертв собственной впечатлительности — до шести десятков человек в год. Однако, в преддверии Миллениума, здесь был настоящий «аншлаг». Тогда госпитализировали по несколько новых Мессий в день, и мест для всех катастрофически не хватало.

Это при том, что речь идет лишь о туристах, отличившихся особо буйным поведением в общественных местах. Ведь тот, кто, вдруг осознав себя пророком, продолжает вести себя тихо и мирно, в вышеупомянутое лечебное заведение может и не попасть.

«Именно здесь, в Иерусалиме, открываются врата на Небо, но также и в ад, и здесь в назначенный день и час начнется самое роскошное из когда-либо бывавших шоу — Страшный суд. Вход в рай — повсюду, а Страшный суд будет проходить в Кедронской долине, под восточной стеной Старого города,

вход в ад находится в долине Гей-Хином, или, как это место еще называется, — Султановых прудах. Пока что там устраивают концерты, и когда играют тяжелый рок, то не остается никаких сомнений, что именно это место является адскими вратами.»

Игорь Губерман

«Иерусалим пропитан святостью, как лестница доходного дома — запахом котлет, капусты и мочи. И нигде в мире этой святостью не торгуют так бесстыдно, нагло и беспардонно, как здесь. Религиозный истеблишмент (вне зависимости от конфессии) распространяет эту заразу сверху вниз, поскольку главный интерес их — не кормление паствы духовной пищей, но стрижка этой доверчивой паствы.»

Игорь Губерман

«А еще Иерусалим — это город грязных и запущенных районов, куда не ходят туристы и где пахнет гашишем, марихуаной, нищетой, будничным ожиданием чуда и такой же будничной безнадежностью. Это город, где лихие палестинцы воруют машины, чтобы, разобрав их на территориях, продать на запчасти; город, где взрываются мусорные баки, урны (оттого, наверное, их так мало, и все бросают мусор прямо себе под ноги), машины и самоубийцы-шахиды.»

Игорь Губерман

«Город, в котором крови было пролито больше, чем в любом другом; город, который пропах смертью, город фанатиков разных конфессий, готовых на все, чтобы восторжествовала их и только их истина.

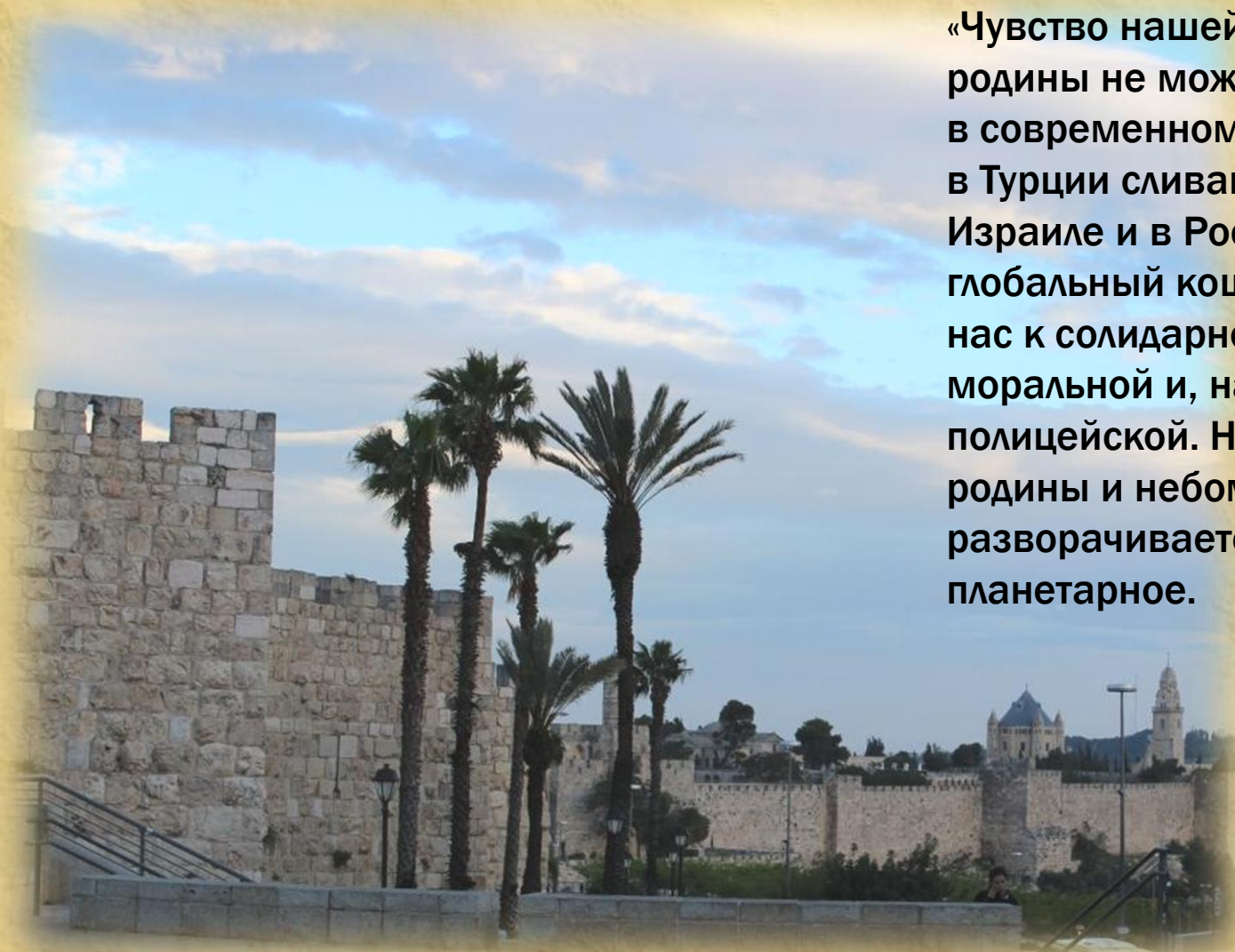

Это город, где живут, уживаются и не могут ужиться евреи и арабы, христиане и мусульмане, где сошлись и стонут от этого союза Восток и Запад; город, где продается все — религия, честь, совесть — и где ни за какие деньги нельзя купить спокойствие, мир, терпимость.»

Григорий Померанц

«Нам всем не хватает чувства общего неба, открытого в Божью бесконечность над любым клочком земли, над любыми куполами, не хватает символов этой общей бесконечности, от которой трепещет сердце и тает всякая вражда. Мы все в плену замкнутости своей культуры и отчуждения от Другого.»

«Чувство нашей планетарной родины не может не складываться в современном мире, где взрывы в Турции сливаются со взрывами в Израиле и в России в один глобальный кошмар. Судьба тащит нас к солидарности – духовной, моральной и, наконец, полицейской. Над небом малой родины и небом большой родины разворачивается третье небо, планетарное.

Только с третьего, планетарного неба становится видно, что иерусалимский клубок – символ планетарного клубка и угроза Иерусалиму – символ общей угрозы. Над всеми нами распростерлось третье небо, небо, свободное от границ, физически очевидное над холмами Иерусалима.

Этот город уцелеет, если станет одной из столиц диалога, одним из воплощений воли к третьему небу. И всякий город на земле не сможет иначе уцелеть, только в Иерусалиме это видно простым глазом и третье небо подступает к каждому дому и единый Бог молча взывает к каждому сердцу: не рвите меня на части.»

Григорий Померанц «Полет в Иерусалим»